

УЛАН-УДЭ
ИМБТ
СО РАН
2013

Н.В. ЦЫРЕМПИЛОВ

Буддизм и империя

БУРЯТСКАЯ
БУДДИЙСКАЯ
ОБЩИНА В РОССИИ
(XVIII—НАЧ. XX В.)

УЧРЕЖДЕНИЕ
РОССИЙСКОЙ
АКАДЕМИИ НАУК

ИНСТИТУТ МОНГОЛОВЕДЕНИЯ,
БУДДОЛОГИИ И ТИБЕТОЛОГИИ
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ РАН

УДК 294.321

ББК 86.35

СЕРИЯ PAX BUDDHICA

Основана в 2007 г.

Главный редактор серии

д-р филос. наук, профессор

С. Ю. ЛЕПЕХОВ

Ответственный редактор:

чл.-корр. РАН, д-р. ист. н.

Б. В. БАЗАРОВ

Рецензенты:

Д-р. ист. наук

А. И. АНДРЕЕВ

Д-р. ист. наук

И. Р. ГАРРИ

Канд. филос. наук

Ш. Ш. ЦЫБАНОВ

НИКОЛАЙ ЦЫРЕМПИЛОВ

*Буддизм и Империя. Бурятская буддийская
община в России (XVIII–нач. XX в.)*

В книге изложена история взаимоотношений между бурятской буддийской общиной и Российским государством периода империи. В книге рассмотрены различные исторические этапы интеграции буддийской сангхи в состав империи, эволюция имперского законодательства по управлению буддийскими подданными, проанализированы случаи конфликтов и компромиссов между правительством и буддийской общиной. Книга может быть интересна как религиоведам, специалистам по истории России, так и широкому кругу читателей.

2013

© Н.В. Цыремпилов

© ИМБТ СО РАН

© Буряад-Монгол ном хэблэл

ISBN 978-5-905958-03-8

Издание осуществлено при

финансовой поддержке РГНФ (проект № 13-01-00086), местной религиозной организации—Буддийская община «Дхарма», Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН

*Памяти
моего отца
Владимира
Доржиевича*

ОГЛАВЛЕНИЕ

- ix *Предисловие*
xiii *Список сокращений*
3 *Введение*
- 18 ГЛАВА ПЕРВАЯ
БУРЯТСКАЯ БУДДИЙСКАЯ ОБЩИНА В РОССИЙСКОЙ
ИМПЕРИИ XVIII – НАЧ. XIX В.: РАННИЙ ЭТАП
АДМИНИСТРАТИВНОЙ ПРАКТИКИ
- 18 Буддийские общины Тибета и Монголии перед
экспансией в Россию
29 Российская модель взаимоотношений с религиозными
меньшинствами
39 Первые упоминания о буддийских ламах и молельных
юртах в русских документах
45 «Инструкция пограничным дозорщикам»: принципы
регулирувания буддийской общины
48 Первые ламы Забайкалья: правительственные
попытки учета и контроля
55 Признание буддизма российскими властями и указ
Елизаветы
63 Первые шаги к институционализации буддийской
общины в Забайкалье
72 Эпоха Екатерины II: сотрудничество и завершение
процесса институционализации
80 Завершение процесса централизации общины
- 92 ГЛАВА ВТОРАЯ
ПЕРВЫЕ ПРОЕКТЫ РЕЛИГИОЗНОГО
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА (ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX В.)
- 92 Просвещенный либерализм Михаила Сперанского
99 Павел Шиллинг фон Канштадт и первый устав
по управлению буддийскими ламами

- 124 Проект устава генерал-губернатора Лавинского
- 135 Селенгинско-хоринский устав 1841 года
- 138 Ревизия камер-юнкера Левашева

150 ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ОФОРМЛЕНИЕ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ
БУДДИЙСКИМИ ПОДДАННЫМИ В РОССИЙСКОЙ
ИМПЕРИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧ. XX В.

- 150 Буддийская религиозная администрация
в середине XIX века
- 152 Николай Муравьев и Положение о ламайском
духовенстве 1853 года
- 168 Конфликты, компромиссы и сотрудничество
- 177 Проблема религиозных миграций и варианты ее
решения
- 187 Вопросы издательской деятельности дацанов и цензура
- 195 «Временная инструкция об управлении делами
Ламайского духовенства в Иркутской губернии»
1890 года

200 ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

БУРЯТСКАЯ БУДДИЙСКАЯ ОБЩИНА И РОССИЙСКОЕ
ОБЩЕСТВО: ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМНОГО ВОСПРИЯТИЯ

- 200 Российская империя глазами буддистов
- 211 Буддизм в глазах православного духовенства,
чиновников и общественности

232 *Заключение*

240 *Приложения*

306 *Указатель личных имен, географических
объектов и учреждений*

314 *Источники и литература*

*На открытии макета
буддийского дацана
в Чите в дни работы
Первой Забайкальской
сельскохозяйственной
и промышленной
выставки в 1899 г.*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Идея этой книги созрела в 2008 году, в период моего пребывания в Университете Хоккайдо (Япония). Прекрасный шанс окунуться в атмосферу научного творчества мне предоставил Славянский исследовательский центр Университета Хоккайдо, и я бесконечно благодарен профессорам Томохико Уяме, Нобуо Араи, Кимитакэ Масудзато и другим сотрудникам Центра за радушие и редкую возможность общения с лучшими экспертами в области истории Российской империи.

Столь же плодотворными и вдохновляющими стали для меня недели, проведенные в Кембридже в 2011 году. Я всегда с глубокой благодарностью буду вспоминать залы главной университетской библиотеки Кембриджа, а также Центр исследований Монголии и Внутренней Азии, где была написана большая часть этой книги. Я выражаю особую признательность фонду *Sigrid Rausing Scholarly Exchange Programme* за возможность этой поездки и профессору Кэролайн Хамфри за всемерное содействие, вдохновляющие советы и интереснейшие беседы.

Я безмерно благодарен сотрудникам Библиотеки тибетских трудов и архивов (Дхарамсала, Индия), Британской библиотеки, Государственного архива Иркутской области, Государственного архива Забайкальского края, Государственного архива Республики Бурятия, рукописного отдела и архива Института восточных рукописей РАН, Российского государственного исторического архива, Российской национальной библиотеки, Центрального исторического архива Монголии. Доброжелательность и профессионализм этих людей позволили мне собрать весь необходимый исторический материал, использованный в этой книге. Ценнейшие источники я нашел в архивах своего родного Института монголоведения, буддологии и тибетологии.

Я особо благодарю своих коллег Раису Николаевну Крапивину, Ирину Владимировну Кульганек, Раису Ефремовну Бураеву, Дариму Санжиевну Жамсуеву, Батцэнгэла Нацагдоржа и Марину Васильевну Аюшееву за бесценные советы и помощь в процессе их поиска. Я также благодарен моим коллегам из Центра восточных рукописей и ксилографов за многочисленные ценные советы и пожелания.

Работа по написанию и изданию этой книги стала возможной благодаря финансовой помощи Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, местной религиозной организации—Буддийская община «Дхарма», Российского гуманитарного научного фонда, *American Council of Learned Societies*. Я выражаю особую признательность члену-корреспонденту РАН Борису Вандановичу Базарову, Дочтотимому Нимажапу Ильичу Илюхинову, доктору исторических наук Ирине Регбиевне Гарри за содействие в издании этой книги.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ГАЗК	Государственный архив Забайкальского края
ГАИО	Государственный архив Иркутской области
ГАРБ	Государственный архив Республики Бурятия
ИВ РАН	Институт восточных рукописей Российской академии наук
РГАДА	Российский государственный архив древних актов
РГИА	Российский государственный исторический архив
ЦВРК	Центр восточных рукописей и ксилографов
ИМБТ	Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения
СО РАН	Российской академии наук

БУДДИЗМ
И ИМПЕРИЯ

*Бурятская
буддийская
община в России
(XVIII—нач. XX в.)*

ВВЕДЕНИЕ

Империи всегда были для религий как сферой возможностей для развития и распространения, так и полем постоянных вызовов и принуждений к трансформациям. Религии представляли для империй неисчерпаемый источник власти, ее легитимации и сакрализации, эффективный механизм принуждения и контроля над подданными и, наконец, пространство и средство для идеологической и территориальной экспансии. Несмотря на то, что возникшие на осколках империй национальные государства строят свою религиозную политику на принципиально ином фундаменте, имперский опыт имеет важное значение для современных государств в их взаимоотношениях с религиозными общинами.

Буддизм является религией, для которой идеи государства, верховного правителя, государственного регулирования внутриобщинных дел являются исключительно важными. Россия имеет почти трехсотлетний опыт взаимоотношений с буддистами, однако этот опыт пока еще недостаточно осознан и понят. Без осмысления, анализа и суммирования этого беспрецедентного исторического опыта в деле выстраивания отношений с традиционными буддистскими обществами крайне сложно выработать эффективную и оптимальную линию взаимодействия с современным буддийским миром как внутри страны, так и за ее пределами.

Самые ранние исследования, посвященные вопросам истории проникновения буддизма в Забайкалье и Прибайкалье и первых контактов буддийских лам с российскими властями, предпринимались синхронно с самими событиями. Члены Второй Камчатской экспедиции, такие как Иоганн Георг Гмелин (1709–1755) и Герхард Фридрих Миллер (1705–1783), в 30-х годах XVIII века изучавшие Восточную Сибирь и, в частности, Забайкалье, оставили не только описания буддийской общины бурят-монголов на раннем этапе ее формирования, но и аналитические записки о проис-

хождении буддийской традиции, о местах исхода первых буддийских лам [Гирченко, 1939: 21; Элерт, 2000]. Исследовавшие эти же места несколькими десятилетиями позднее Петр Симон Паллас (1741–1811) и Иоганн Готлиб Георги (1729–1802) в своих трудах впервые коснулись таких вопросов, как связи главного буддийского иерарха Забайкалья Бандидо Хамбо-ламы с Тибетом и соперничество буддизма с шаманизмом среди бурятских племен [Паллас, 1778; Георги, 2005]. Несмотря на то, что в целом эти труды были всего лишь полевыми описаниями, первые российские путешественники уже располагали сведениями о тибето-монгольском буддизме, его зарубежных центрах и могли судить о перспективах этой религии в Российской империи.

Принципиально новый, дополненный оригинальными письменными источниками подход к изучению буддизма бурят-монголов связан с именем выдающегося российского монголоведа О.М. Ковалевского (1800–1878), который побывал в Забайкалье в 20-х годах XIX века. В отличие от своих немецких коллег, Ковалевский уже активно использовал материалы из монгольских источников. Работы Ковалевского в основном касаются буддийской доктрины и литературы, однако большой интерес представляют записанные им сведения о буддийском книгопечатании в Забайкалье и попытках его регулирования властями [Ковалевский, 1829: 209].

В дальнейшем исследователи буддизма бурят-монголов прежде всего интересовались предметом своего изучения в основном в связи с деятельностью в Байкальском регионе православной миссии и проблемами, с которыми она сталкивалась. Одна из самых ранних таких работ принадлежит перу видного православного деятеля архиепископа Нила, в миру Николая Федоровича Исаковича (1799–1874). В отличие от большинства представителей православной миссии, занимавшихся изучением буддизма в последующие годы, Нил в своих изысканиях опирался на монголызычные источники, среди которых были представлены не только бурятские дацанские издания, но и пекинские и ургинские ксилографы. В обстоятельном труде архиепископа Нила «Буддизм, рассматриваемый в отношении к последователям его, обитающим в Сибири», изданном в 1858 году, пусть и в несколько претенциозном виде изложены не только доктринальные основы буддизма [Нил, 1858]. Мы находим тут также сведения о составе бурятского буддийского духовенства и порядке посвящения лам в степени монашества и назначения на монастырские должности

[Нил, 1858: 86–92, 103–104]. Кроме того, в кратком виде изложена история буддизма в Забайкалье и Прибайкалье [Там же: 250–264]. Хотя Нил не указывает, какими источниками он пользовался при составлении очерка, из его содержания очевидно, что это были исключительно документы из архивов Иркутского генерал-губернаторства, а именно доклады и записки таких чиновников, как А.С. Лавинский, П. Успенский и др., о которых пойдет речь в этой книге. Несмотря на ангажированность в изложении исторических сведений и очевидную цель привлечь внимание русского общества и властей к проблемам православной миссии, книга архиепископа Нила до сих пор занимает почетное место в историографии истории буддизма в Российской империи и, вероятно, является лучшим образом миссионерского исследования по данному предмету.

В те же годы в свет выходит статья барона Федора Андреевича Бюлера (1821–1896) — русского правоведа, дипломата и государственного деятеля, который известен своими многочисленными трудами о народах Российской империи. Вышедшая в 1859 году в журнале «Отечественные записки» статья Бюлера «Очерки Восточной Сибири. Ламаизм и Шаманство» на некоторое время стала самым полным из опубликованных источников сведений по истории буддизма в Восточной Сибири [Бюлер, 1859]. Полнота и серьезность работы Бюлера объяснялась тем, что в ней широко использовались материалы из Министерства иностранных дел, в котором Бюлер работал много лет, а также других архивов. Во введении к статье барон Бюлер указывает, что ставит себе целью провести сравнительное исследование состояния буддизма у астраханских калмыков и бурят [Бюллер, 1859: 201]. Истории проникновения буддизма из Тибета и Монголии в Забайкалье автор отводит гораздо больше места, нежели Нил, но, как и архиепископ в соответствующей части своей книги, пользуется только документами из правительственных архивов. Помимо архива иностранного ведомства, Бюлер активно использует сведения из документов Сибирского Комитета, местами дословно цитируя отчет чиновника Иркутского генерал-губернаторства П. Успенского [ср. напр.: Бюлер, 1859: 257–258 и Записка по предположениям: л. 130–133об]. В целом, работа барона Бюлера содержит большое количество фактологических ошибок и претенциозных умозаключений, но по своей исторической обстоятельности она, несомненно, стала большим шагом вперед в деле накопления и систематизации знаний по истории буддизма в России и его отношениям с властями.

В 1886 году в журнале «Записки восточного отделения императорского русского археологического общества» публикуется статья крупного российского монголоведа Алексея Матвеевича Позднеева (1851–1920) «К истории развития буддизма в Забайкальском крае» [Позднеев, 1886]. Несомненно, эта статья стала следующим этапом в деле изучения истории религиозной общины буддистов Восточной Сибири. Хотя, как мы отмечали выше, монгольские источники привлекались русскими исследователями и ранее, именно Позднеев использовал их не в связи с рассмотрением философских и сотериологических положений буддизма, а именно в связи с изучением истории проникновения этой религии в Забайкалье и Прибайкалье и формирования его буддийской общины в этой части империи. Так, при написании очерка в дополнение к открытым на то время российским архивным материалам Позднеевым были привлечены данные из бурятских исторических хроник, путевые записки первого бурятского Бандидо Хамбо-ламы Дамба-Даржа Заяева, письма бурятских ширетуев Джебцун-Дамба-хутухте, письма бурятского хубилгана Ганжурвы-гэгэна, письма учащихся в Тибете монахов бурятским ламам о возможности получения духовного образования в тибетских монастырях и т.д.

Безусловно, самым обстоятельным и фактологически полным трудом по истории буддийской общины бурят-монголов, вопросам развития политики российского правительства и эволюции российского законодательства по управлению делами буддистов Восточной Сибири стала небольшая по объему книга чиновника особых поручений при Министерстве внутренних дел Владимира Вашкевича [Вашкевич, 1885]. Интерес Вашкевича к буддизму был обусловлен его специализацией в области законодательства по управлению религиозными меньшинствами Российской империи вообще. Его книга «Ламаиты Восточной Сибири», вышедшая в 1885 году, до сих пор является, пожалуй, самым содержательным описанием истории взаимоотношений между российским правительством и буддийской общиной бурят-монголов из написанных в XIX веке. Существенным недостатком исследования является то, что оно основано исключительно на российских архивных материалах. Кроме того, как и все вышеперечисленные сочинения, труд Вашкевича крайне претенциозно освещает вопросы взаимоотношений между государством и буддийской общиной. Необходимо заметить, что эта претенциозность свойственна почти всем сочинениям XIX века, посвященным предмету и нашего исследо-

вания и претендовавшим на научность и объективность анализа. Эта пристрастность в оценках становится понятной в контексте общих взглядов российских исследователей того времени, большинство из которых придерживалось консервативно-охранительных убеждений. Эти настроения хорошо передают публицистические сочинения православных писателей, посвященные вопросам взаимоотношения государства с бурятской буддийской общиной.

Самым ярким и содержательным из православных трудов второй половины XIX века стала работа архиепископа Иркутского и Нерчинского Вениамина Благодярова «Жизненные вопросы Православной миссии в Сибири», изданная отдельной брошюрой в 1885 году [Ермакова, 1998]. Архиепископ Вениамин был самым горячим борцом с буддизмом и принципиальным оппонентом российской политике в отношении этой конфессии. Статья Вениамина является чисто политическим памфлетом, в котором автор убеждает читателей в том, что российское правительство фактически поощряет распространение и укрепление буддизма в Забайкалье и Прибайкалье, вместо того, чтобы «избавлять от порабощения им народа» [Ермакова, 1998: 81]. Однако в то же время работа Вениамина является важной для нашего исследования, поскольку в наиболее подробном виде содержит в себе все основные пункты критики государственной политики в отношении буддийского духовенства со стороны консервативных православных кругов. Сведения о существовании этой критики важны еще и потому, что такие миссионеры, каким являлся Вениамин, оказывали значительное влияние на чиновников высшего звена, формировавших религиозную политику в империи.

Кроме работы Вениамина, в общественных дискуссиях относительно того, какими должны быть принципы управления буддийскими подданными, участвовали многие другие православные миссионеры и сочувствовавшие им авторы. Среди них особо стоит отметить Евстафия Воронца, активного православного публициста-консерватора, который в 80–90-х гг. XIX века опубликовал серию небольших брошюр, содержащих критический разбор мер, принимавшихся правительством в отношении бурят-монгольских буддистов [Воронец, 1888, 1889 и 1891]. Воронец писал труды не только в духе антибуддийской, но и антиисламской пропаганды, и вообще был горячим сторонником запрета этих конфессий для исповедания на территории Российской империи. В том же духе выдержаны труды иеромонаха Гурия, чьи подробные отчеты

о борьбе Иркутской миссии с «ламайскими идолопоклонниками» публиковались в 1911 году в журнале «Православный собеседник» [Гурий, 1911, 1911а, 1911б, 1911с].

В конце XIX века в русской печати появляются сочинения авторов, либерально или терпимо настроенных по отношению к неправославным религиям. В своих трудах такие наблюдатели, как чиновник А.И. Термен [Термен, 2007], этнограф М. Кроль [Кроль, 1897], врач Н. Кирилов [Кирилов, 1894], журналист «Вестника Европы» В. Птицын [Птицын, 1892] и другие авторы дают развернутую картину жизни буддийской общины в Байкальском регионе, поднимают различные вопросы, связанные со строительством дацанов, учетом монахов, медицинскими услугами, оказываемыми ламами населению и пр.

В среде русских интеллектуалов того времени появляются и такие авторы, которые считали, что Россия обязана расширять свои границы, используя в своих интересах «естественную связь» бурятских буддистов с азиатским буддийским миром. Ярким сторонником политики либерализации российской политики в отношении буддистов был Князь Эспер Ухтомский, который в наиболее полном виде изложил свои взгляды в брошюре «Из области ламаизма. К походу англичан в Тибет», изданной в 1904 году [Ухтомский, 1904]. Будучи работой, написанной в стиле политической пропаганды, данная брошюра, тем не менее, содержит в себе большой объем ценных сведений, полученных Ухтомским в ходе его поездок в Забайкалье в 80-е годы XIX века по заданию Министерства иностранных дел.

В работах Ухтомского мы видим ссылки и цитаты из документов, хранившихся в архивах Гусиноозерского и других буддийских дацанов Восточной Сибири, к которым Ухтомский имел свободный доступ. Автор в краткой форме излагает историю формирования буддийской общины в Байкальском регионе, основываясь на прежде неизвестных материалах из дацанских архивов, дает подробное описание и анализ борьбы православной миссии с буддизмом и рекомендации государственной политике в отношении буддизма как внутри, так и за пределами страны. Новизна работы источника заключается не только в привлечении им новых источников, не только в принципиальном отличии его взглядов на религиозную политику от царивших в стране, но и в том, что он рассматривает историю буддийской общины в Российской империи без отрыва от истории остального тибето-монгольского мира.

В период революционных событий, распада империи вплоть до середины 20-х годов прошлого столетия проблемы буддистов Восточной Сибири не привлекают внимания исследователей. Лишь в 1926 году в Бурят-Монгольской Республике выходит в свет работа бурятского общественного деятеля М.Н. Богданова «История бурятского народа» под редакцией Н. Козьмина [Богданов, 1926], содержащая краткий очерк истории буддизма в российском Забайкалье. Это был первый опубликованный труд бурятских исследователей, касавшийся интересующего нас предмета.¹ В одной из глав книги Михаил Богданов рассматривает лишь раннюю историю (XVII–XVIII вв.) буддийской общины в Забайкалье, привлекая и систематизируя сведения из работ Миллера, Гмелина, Георги и Палласа [Богданов, 1926: 101–103]. В эту же книгу вошла глава, написанная Базаром Барадиным, в которой он излагает научную типологизацию буддийских монастырей Бурятии как части остального большого буддийского мира. Хотя в монографии М.Н. Богданова совсем немного места уделено вопросам развития буддизма в этнической Бурятии, она все же имеет большое значение для историографии изучаемого нами предмета. Фактически это была первая научная работа, свободная от каких-либо идеологических и политических установок, в которой конкретно-исторический материал излагался максимально объективно. К сожалению, в последующие десятилетия исследования истории буддизма в России были крайне идеологизированы.

Полноценное исследование по данной теме выходит в печать тремя десятилетиями позднее. В 1957 году в Улан-Удэ издается монография известного ученого-тибетолога К.М. Герасимовой «Ламаизм и национально-колониальная политика царизма в Забайкалье в XIX и начале XX веков» [Герасимова, 1957]. Есть все основания утверждать, что по теме данного исследования монография К.М. Герасимовой, в которой изложены основные положения ее кандидатской диссертации, является самой полной и обстоятельной. Сам автор во введении к монографии ставит перед собой задачу исследовать «взаимоотношения ламаистской церкви Бурятии и царского правительства России, которые раскрываются на фоне общественной жизни Бурят-Монголии в период развития капитализма и первой русской буржуазно-демократической

1 Несмотря на то, что монография формально имеет только одного автора, некоторые из ее глав написаны такими исследователями, как Н.Н. Козьмин и Б.Б. Барадин.

революции 1905–1907 гг.» [Герасимова, 1957: 3]. По широте охвата архивных документов и оригинальных источников данное исследование взаимоотношений буддийской общины Байкальского региона с Российским правительством беспрецедентно. Автор осуществил анализ архивов Сибирского Комитета, Иркутского и Приамурского генерал-губернаторств, Департамента духовных дел иностранных исповеданий МВД, русскую публицистику и, конечно, многочисленные источники на монгольском языке из архивов Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР и архивов Бурятии. Автор дает в монографии обстоятельный обзор различных проектов законодательства для регулирования дел бурятской буддийской сангхи, конкретных административных практик и вообще эволюции правительственной религиозной политики и стратегии православной миссии времен империи в отношении бурятских буддийских подданных. При всех несомненных достоинствах этой работы следует отметить и недостатки, свойственные большинству других исследований советского времени. В данном случае ситуация усугублялась тем, что изучение вопросов истории буддизма в советской науке не приветствовалось (чему свидетельство их крайняя немногочисленность), а потому те редкие работы историков по данной теме, которые выходили в свет в этот период, подвергались более тщательному контролю со стороны партийных идеологов.

Основным методологическим недостатком работы К.М. Герасимовой стало очевидное влияние явно предустановленных и предполагаемых логикой советской идеологии утверждений и заключений. Среди них особенно отчетливо прослеживается, например, утверждение о том, что правительство в своих мероприятиях в отношении буддийской религиозной администрации исходило из желания выступить в альянсе с родовыми старшинами и верхним эшелонем буддийской иерархии, тогда как документы зачастую показывают, насколько интересы этих сторон могли расходиться. Некритично принимаются и даже выводятся на первый план заявления о тунеядстве и распущенности лам, их агрессивной эксплуататорской политике. Правда, в случае с К.М. Герасимовой такого рода утверждения чаще всего выглядят искусственно внедренными в логику исследования. Еще одним серьезным (хотя и явно вынужденным), на наш взгляд, шагом назад стало то, что анализ процесса формирования буддийских институтов в Российской империи проводится автором вне контекста тибето-монгольского мира. Территориальные рамки строго очерчены

и не выходят за пределы империи, даже когда этого требует логика полноценного анализа. И, тем не менее, аналитические способности автора, его основательность в привлечении первичных источников и исследовательская честность, на наш взгляд, делают эту работу важнейшей в отечественной историографии истории буддизма в Российской империи.

Общие экскурсы и рассмотрение частных вопросов истории взаимоотношений между российскими властями и буддийской общиной Байкальского региона можно найти также в работах других советских и монгольских ученых. Различными аспектами истории бурят-монголов занимались В. Гирченко [Гирченко, 1939], П. Хаптаев [История Бурят-Монгольской АССР, 1954], Г.Н. Румянцев [Румянцев, 1959], Е.М. Залкинд [Залкинд, 1970], вопросами монгольского источниковедения Б. Ринчен [Four Mongolian, 1959], А.Г. Сазыкин [Сазыкин, 1989], Ц.П. Ванчикова [Введение в изучение, 1989], вопросами традиционных религий Н.Л. Жуковская [Жуковская, 1977], проблемами этнографии Г.Р. Галданова [Галданова, 1987], К.М. Герасимова [Герасимова, 1957, 1965, 1981] и др. Важным этапом для историографии изучаемой темы стал выход в свет коллективной монографии «Ламаизм в Бурятии XVIII – начала XX в. Структура и социальная роль культовой системы» [Галданова и др., 1983]. Для нашего исследования наиболее важными являются две первые главы монографии, написанные К.М. Герасимовой и рассматривающие вопросы формирования административной системы буддийской общины в Забайкалье и Прибайкалье и развитие монастырского буддизма. Глава, касающаяся исторических вопросов, написана в основном на материале монографии этого автора 1957 года, но она существенно дополнена материалом по истории буддизма в Забайкалье в XVIII веке. Материал этой книги в значительной степени освобожден от груза марксистско-ленинистской идеологии, однако в методологическом плане ей все еще присущи те же недостатки, которые проявились в книге К.М. Герасимовой, вышедшей ранее.

Настоящий исследовательский бум вокруг вопросов истории буддизма в России продолжается в течение последних двух десятилетий. Такие исследователи, как Л.Л. Абаева [Буряты, 2004], Г.Р. Галданова [Галданова, 1997], К.М. Герасимова [Герасимова, 1999], С.-Х.Д. Сыртыпова [Сыртыпова, 2003] разрабатывали вопросы буддийской ритуалистики и обрядности; Ц.П. Ванчикова [Ванчикова, 1995, 1999, 2000а, 2000б; История бурятского буддизма, 2006], Г.Р. Галданова [Нацов, 1995], Х.Ж. Гармаева [Гармаева, 2000],

Т.В. Ермакова [Ермакова, 1998], В.Ц. Лыксокова [Лыксокова, 2005], Б.В. Очиров [Кенсур, 1996], Ц-Х.В. Очирова [Очиров, Очирова, 2000], С.Д. Тубчинов [Тубчинов, 2003], С.И. Шоболова [Шоболова, 2006] и др. осуществляли исследования, переводы и издание архивных материалов и источников по истории буддизма в России или биографии выдающихся буддийских деятелей; А.И. Андреев [Андреев, 1992], П.В. Берснев [Берснев, 2011], Д.С. Жамсуева [Жамсуева, 2001], Н.Л. Жуковская [Жуковская, 1992], А.А. Терентьев [Терентьев, 2002, 2010], Б.Д. Цыбенов [Цыбенов, 2001], Ш.Б. Чимитдоржиев [Чимитдоржиев, 1991а, 1997], Д.Г. Чимитдоржин [Чимитдоржин, 2010] исследовали различные вопросы истории становления буддийской сангхи в Российской империи и государственной политики России по отношению к ее буддийским подданным в Восточной Сибири в различные исторические периоды – с конца XVII по начало XX вв. Помимо изучения отдельных вопросов, в последние годы современными исследователями подготовлено и издано несколько комплексных обобщающих трудов, в которых дается характеристика истории взаимоотношений между буддизмом и российскими властями времен империи. Особого упоминания заслуживает объемный том «Земля Ваджрапани. Буддизм в Забайкалье», изданный в 2008 году издательством «Дизайн. Информация. Картография» и являющийся антологией трудов различных исследователей по истории, культуре и философии бурятского буддизма. Кроме того, в 2011 году Министерством образования и науки Республики Калмыкия была подготовлена коллективная монография «История буддизма в СССР и Российской Федерации в 1985–1999 гг.», в которой история буддийской сангхи бурят-монголов рассматривается в контексте развития буддийских институтов у других народов России.

Нельзя сказать, что вопросам истории буддизма в Российской империи уделяется достаточно внимания в зарубежной науке. Мировая буддология сосредоточена главным образом на изучении обширной темы тибетского буддизма и тибетской модели взаимоотношений религиозной общины и государства и мало занимается другими регионами распространения тибетского буддизма. Поэтому в западной научной традиции эти вопросы разрабатывают почти исключительно эксперты в области монголоведения и русистики. Среди таковых следует отметить Роберта Рупена, который в своей двухтомной монографии *Mongols of the Twentieth Century*, изданной Университетом Индианы в Блумингтоне в 1964 году, описал роль буддизма в формировании этниче-

ской идентичности части бурят Российской империи [Rupen, 1964]. Известный американский исследователь истории России Марк Раефф в одной из своих монографий коротко касался вопроса государственной политики в отношении буддийских лам в период генерал-губернаторства М.М. Сперанского [Raeff, 1956]. В более обширных временных рамках рассматривает данный вопрос британский монголовед Чарльз Боуден. В своей книге *Shamans, Lamas and Evangelicals. The English Missionaries in Siberia* [Bawden, 1985], посвященной религиозной ситуации в Забайкалье XIX века и деятельности там английских миссионеров, автор дает интересный обзор взаимодействия буддийской общины бурят-монголов с государством и христианскими миссиями, как православной, так и протестантской. Если в вышеназванных работах «буддийская» тема всплывает лишь фрагментарно, в рамках более широкого исследовательского поля, то в начале нынешнего тысячелетия история буддизма в Российской империи становится главным объектом рассмотрения нескольких западных ученых. Среди них особого упоминания достойны работы чешского религиоведа Любоша Белки и немецкого антрополога и историка Дитмара Шорковица. Книги и статьи первого, публиковавшиеся на чешском, английском и русском языках, являются исследованиями буддийской традиции бурят как культурного феномена [Bělka, 2001, 2006; Белка, 2012]. Что касается Д. Шорковица, то его исследования рассматривают историю взаимоотношений государства и буддийской общины калмыков и бурят через призму процессов христианизации, русификации, развития националистического дискурса в поздней Российской империи [Schorkowitz, 2001]. Несмотря на высокий теоретический уровень трудов Д. Шорковица и обширную источниковую базу его исследований (спектр привлеченных материалов из российских архивов в работах этого автора не уступает трудам К.М. Герасимовой), существенным их недостатком является отсутствие буддологического анализа и рассмотрение феномена бурятского буддизма только в перспективе российской истории.

Данное исследование, являясь достаточно сложным и комплексным, потребовало привлечения литературы не только по истории взаимоотношений различных буддийских традиций с государственными образованиями в различных регионах Азии, но и отражающей особенности религиозной политики Российской империи. Что касается использованной нами научной литературы по религиозной политике Российской империи, то она весьма

разнообразна по своей принадлежности к тем или иным школам и направлениям, по времени и месту своего издания. Нами использованы работы таких отечественных и зарубежных историков, как Н.П. Ерошкин [Ерошкин, 1968], Л.С. Рафиенко [Рафиенко, 1977], Н.П. Матханова [Матханова, 1998, 2002], Е.А. Вишленкова [Вишленкова, 1997], В. Сергеевич [Сергеевич, 2006], С.А. Глотова [Глотова, 2009], Е.А. Терюкова [Терюкова, 2010], Е.В. Долгих [Долгих, 2006], Марк Раефф [Raeff, 1956, 1984, 1994], Ричард Пайпс [Pipes, 1974], Андреас Каппелер [Kappeler, 2001], Теодор Уикс [Weeks, 2001], Лора Энгельштейн [Engelstein, 2000], Джон Пракстон [Praxton, 2001], Поль Верт [Werth, 2000, 2001, 2007a, 2007b] и др. Данные исследования касаются истории формирования российских правительственных органов управления делами неправославных исповеданий, развития основных принципов управления религиозными меньшинствами. Рассматривая вопросы истории органов управления в Сибири и отношений местных сибирских администраторов с коренными народами и их религиозными институтами, мы опирались на работы Е.М. Залкинда [Залкинд, 1970], Л.М. Дамешка [Дамешек, 1983, 1986], А.В. Ремнева [Ремнев, 1995; Ремнев и др., 2011], Л.С. Рафиенко [Рафиенко, 1977], Н.П. Матхановой [Матханова, 1998, 2002], Д.А. Ананьева [Ананьев, 2005], В.И. Шишкина [Шишкин, 1998], В.В. Алексеева, Е.В. Алексеевой, К.И. Зубкова, И.В. Подбережникова [Алексеев и др., 2004], Морриса Россэби [Rossaby, 1975], Джеймса Форсайта [Forsythe, 1994] и др. По вопросам взаимодействия властных структур Российской империи с конкретными религиозными общинами нами были использованы труды таких специалистов, как А.А. Алов и Н.Г. Владимиров [Алов и др., 1996], П.В. Берснев [Берснев, 2011], Д.Ю. Арапов [Арапов, 2004, Буддисты в Российской империи, 2004], Е.В. Дорджиева [Дорджиева, 1980], Поль Верт [Верт, 2006], М.Д. Долбилов [Долбилов, 2006], А.И. Карагодин [Карагодин, 1987], Роберт Крюс [Crews, 2003, 2006], Фирузе Мосташари [Mostashari, 2001] и др.

Оценивая степень изученности вопроса, следует отметить, что ни в отечественной, ни в зарубежной науке проблема, поставленная в данном исследовании, не становилась предметом всестороннего и комплексного исследования. С одной стороны, монголоведами и буддологами вопросы истории формирования буддийской сангхи и ее взаимоотношений с государством рассматриваются с перспективы монгольязычных источников, без обращения к архивным материалам. Поэтому в этих исследованиях предмет рассмотрения зачастую не вписан в общий контекст российской имперской истории. Работы большинства современных исследо-

вателей, занимающихся этой темой, носят дискриптивный характер и повторяют положения работ, издававшихся в советский период. Вне круга рассмотрения остаются такие важные вопросы, как эволюция законодательства, проблемы цензуры, миграций, паломничества, конфликты с православной миссией и властями и примеры их разрешения, вопросы соотношения этнической и религиозной идентичностей. Внимание исследователей сосредоточено в основном на биографиях конкретных персоналий, строительстве дацанов, дацанской архитектуре и книгопечатании, но при этом не затрагиваются столь важные для современных исследователей проблемы, как формирование и эволюция образа иноверной империи в глазах бурятских буддистов. Фактически уровень исследований не позволяет рассматривать историю взаимоотношений между буддийской общиной и российским государством ни в контексте истории России, ни в контексте истории большого буддийского мира. С другой стороны, когда буддологи обращаются к вопросам глобальных трансформаций, произошедших в буддийской внутренней Азии в первой половине XX века и приведших к современному порядку в этой части мира, столь важный регион, каким является буддийское Забайкалье и Прибайкалье, обычно в этой связи остается вне фокуса рассмотрения специалистов. И хотя со времени выхода в свет книги Андреаса Каппелера *The Russian Empire. A Multiethnic History*. Pearson Education фокус внимания как отечественных, так и зарубежных исследователей сместился к регионам распространения таких религий, как ислам, иудаизм, неправославное христианство, буддийская тема нечасто фигурирует в такого рода исследованиях.

Открытость российских исторических архивов, как столичных, так и региональных, доступность целого комплекса монголоязычных и тибетоязычных источников, многие из которых были переведены и изданы в последние годы, обеспечивают источниковую базу для комплексного исследования истории формирования бурятской буддийской общины в России. В связи со спецификой исследования основную источниковую базу для него составили материалы из архивов центральных ведомств и учреждений Российской империи, хранящиеся главным образом в РГИА и ИВР РАН, РГАДА, а также в региональных архивах, таких как архивный фонд ЦВРК ИМБТ СО РАН, ГАИО, ГАРБ, ГАЗК.

Все материалы, касающиеся XVIII века, найдены нами в архиве ЦВРК ИМБТ СО РАН и РГАДА, поскольку в других перечисленных нами архивах таких материалов не сохранилось. Огромной исследовательской удачей оказалось выявление в со-

ставе известного уже ученым, благодаря работе Г.Н. Румянцева [Румянцев, 1959], архива засак-ламы Галсана Гомбоева. Однако в описании этого архива Румянцевым практически не упомянуты ценнейшие материалы по ранней истории буддизма в Забайкалье. Так, в составе этого уникального архива нами были обнаружены и опубликованы [Материалы по истории буддизма] указы российских монархов, в которых прописаны первые принципы регулирования дел бурятских буддистов. Из фондов РГАДА следует отметить сохранившиеся указы Селенгинской воеводской канцелярии о выделении земельных угодий ламам Цонгольского дацана, датирующиеся серединой XVIII века [Владельческие указы] и сведения о местах расселения семьи Сахулака, деда первого Хамбо-ламы Дамба-Даржа Заяева [Реестр брацким иноземцам].

Что касается РГИА, то здесь материалы, связанные с тематикой нашего исследования, хранятся главным образом в делах Департамента духовных дел иностранных исповеданий Министерства внутренних дел (РГИА, фонд 821) и I Сибирского Комитета (РГИА, фонд 1264). В частности, нами были исследованы неопубликованные проекты законодательства для управления буддистами Восточной Сибири, составленные в разные годы П.Л. Шиллингом фон Канштадт [Шиллинг, 1832], А.С. Лавинским [Записка по предположениям], П. Успенским [Там же], камер-юнкером Левашевым [Левашев], Н.Н. Муравьевым-Амурским [Относительно преобразования], а также Временная инструкция об управлении делами Ламайского духовенства в Иркутской губернии 1890 г. [Временная инструкция]. Нами были изучены материалы начала XX века, в которых содержатся проекты нового законодательства по управлению делами бурятских буддистов [Протокол совещания]. Кроме того, были использованы материалы объемного отчета князя Э.Э. Ухтомского о его поездке в Забайкалье в 1886 г. с целью ревизии буддийских дацанов [Ухтомский, 1886]. Данный отчет содержит, между прочим, критический разбор Ухтомским Положения о ламайском духовенстве 1853 года [Там же: 255–277].

Отчеты российских правительственных чиновников и исследователей, очерки православных миссионеров стали важным источником сведений при проведении данного исследования. Среди них следует особо отметить два обстоятельных доклада упоминавшегося уже князя Э.Э. Ухтомского по результатам его инспекционной поездки по Забайкалью по заданию Министерства внутренних дел [Ухтомский, 1886], неопубликованный доклад крупного российского монголоведа А.М. Позднеева [Поздне-

ев] о современном ему состоянии бурятских буддийских дацанов, опубликованные очерки А.И. Термена [Термен, 2007] и отца И. Подгорбунского [2007].

Особый интерес представляют дела по вопросам, которые должны были совместно решать правительственные органы и буддийская религиозная администрация. Так, нами использованы дела о назначении, утверждении и смещении Хамбо-лам [Дело об отстранении; Дело о выборах; Дело о кончине], о сносе культовых объектов, не входящих в список разрешенных, о дозволении бурятам носить одежду красного цвета, о разрешении проведения ритуального танца Цам [Дело о смещении], дела о награждениях буддийских лам [Дела о награждении]. В исследовании также задействованы материалы, касающиеся вопросов цензуры буддийской литературы [Ухтомский, 1886; Извещение Муравьева], миграций бурятских лам [Запрос, 1843; Переписка, 1912] и т.д.

Нами также активно использовались данные из оригинальных источников на монгольском и тибетском языках, среди которых центральное место занимают монастырские уставы [Кудунский устав, Новый устав], в которых подробно излагается внутренняя структура и свод правил, по которым жила буддийская община бурят в первой половине XIX века. Большую важность в ходе исследования представляли биографии буддийских лам [Будаев; Краткое жизнеописание; Чимитов], исторические хроники [Бичихан записка; Краткое историческое сочинение; Тобоев; Юмов; Юмсунов], путевые записки [Предание о хождении; Предание о хождении 2; Путевые заметки].

Необычайный интерес современных ученых к проблемам империй, глубокая проработка вопросов конфессиональной политики и межимперского взаимодействия ставят перед исследователями задачу комплексного изучения вопроса государственной политики Российской империи в отношении крупнейшей буддийской общины империи в макроконтексте. Представленное исследование является первой попыткой такого рода. Работа построена на широкой источниковой базе, включающей как русскоязычные материалы, так и источники на монгольском и тибетском языке. В книге предпринята попытка расширить круг рассматриваемых проблем и решать их в ситуационной перспективе, учитывая разнообразие факторов, причин, мотивов и акторов, руководствующихся своими интересами. Успешной ли оказалась эта попытка, судить читателю.

Цыремпилов
Николай Владимирович
БУДДИЗМ И ИМПЕРИЯ
Бурятская буддийская сангха
в России (XVIII – нач. XX в.)

ISBN 978-5-905958-03-8

9 785905 958038

Научное издание

Утверждено к печати
Ученым советом Института
монголоведения,
буддологии
и тибетологии
СО РАН

Корректор
Е.В. Сундуева

Оформление книги,
печатная подготовка:
Шарайд О. Галсан
«Буряад-Монгол Ном»
хэблэл

Подписано в печать 9.07.2013.
Формат 70×100/16. Печать цифровая.
Бумага мелованная. Гарнитура Pergian.
Усл. печ. л. Тираж 790 экз. Заказ № 2301.
Изготовлено PRINTLETO.RU / Москва /